

СЕРИЯ
СОЦИАЛЬНАЯ
ТЕОРИЯ

Arlie Hochschild
with Anne Machung
The Second Shift
Working Families
and the Revolution at Home

Арли Хокшилд
при участии Энн Мачун
Вторая смена
Работающие семьи
и революция в доме

Перевод с английского
Инны Кушнareвой
под научной редакцией
Артема Космарского

Издательский дом
Высшей школы экономики
Москва, 2020

УДК 316.36
ББК 60.561.5
Х70

ПРОЕКТ СЕРИЙНЫХ МОНОГРАФИЙ
ПО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ
И ГУМАНИТАРНЫМ НАУКАМ

Руководитель проекта АЛЕКСАНДР ПАВЛОВ

Хокшильд, А.

X70 Вторая смена. Работающие семьи и революция в доме [Текст] / А. Хокшильд, при участии Э. Мачун; пер. с англ. И. Кушнаревой; под науч. ред. А. Космарского; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. — 368 с. — (Социальная теория). — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-2102-1 (в пер.). — ISBN 978-5-7598-2085-7 (e-book).

Более 30 лет назад «Вторая смена», написанная американским социологом Арли Хокшильд, задала направление будущих дискуссий и исследований гендерного разделения труда на десятилетия. В этой книге Хокшильд рассмотрела, что на самом деле происходит в семьях, где оба партнера — муж и жена — работают. Она обнаружила, что женщины в среднем работают приблизительно на 15 часов в неделю больше, чем мужчины. За год у них набегает лишний месяц круглосуточной работы. Если женщина бездетна, то на работу по дому она тратит больше времени, чем мужчина. Если у нее есть дети, то она тратит больше времени и на них, и на дом. Подобно тому как между мужчинами и женщинами существует разрыв в размере заработной платы на рабочем месте, дома между ними существует «разрыв в досуге». Большинство женщин отработывают одну смену в офисе или на заводе и «вторую смену» дома.

Книга адресована социологам, психологам, социальным философам и всем, кого интересуют проблемы взаимоотношений в семье.

УДК 316.36
ББК 60.561.5

Перевод выполнен по изданию: *Arlie Hochschild, with Anne Machung. The Second Shift: Working Families and the Revolution at Home* (2012). This edition is published by arrangement with Penguin Books, an imprint of Penguin Publishing Group, a division of Penguin Random House LLC

Опубликовано Издательским домом Высшей школы экономики
<<http://id.hse.ru>>

doi: 10.17323/978-5-7598-2102-1

ISBN 978-5-7598-2102-1 (в пер.)
ISBN 978-5-7598-2085-7 (e-book)
ISBN 9781101575512 (англ.)

Copyright © Arlie Hochschild,
1989, 2003, 2012
All rights reserved
including the right
of reproduction in whole
or in part in any form.
© Перевод на русский язык.
Издательский дом
Высшей школы
экономики, 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	8
БЛАГОДАРНОСТИ	16
ВВЕДЕНИЕ	19
ГЛАВА 1. СЕМЕЙНОЕ УСКОРЕНИЕ	22
ГЛАВА 2. БРАК В ЗАБУКСОВАВШЕЙ РЕВОЛЮЦИИ	35
ГЛАВА 3. КУЛЬТУРНОЕ ПРИКРЫТИЕ	48
ГЛАВА 4. ПРОБЛЕМА ДЖОУИ: НЭНСИ И ЭВАН ХОЛТ	62
ГЛАВА 5. СЕМЕЙНЫЙ МИФ ТРАДИЦИОННОЙ ПАРЫ: ФРЭНК И КАРМЕН ДЕЛАКОРТЕ	94
ГЛАВА 6. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О МУЖЕСТВЕННОСТИ И БЛАГОДАРНОСТЯХ: ПИТЕР И НИНА ТАНАГАВА	114
ГЛАВА 7. ВСЕ ПОЛУЧИТЬ И ОТ ВСЕГО ОТКАЗАТЬСЯ: ЭНН И РОБЕРТ МАЙЕРСОН	137
ГЛАВА 8. ДЕФИЦИТ БЛАГОДАРНОСТИ: СЕТ И ДЖЕССИКА СТЕЙН	154
ГЛАВА 9. ШАТКИЙ БРАК И РАБОТА, КОТОРУЮ ОНА ЛЮБИТ: АНИТА И РЭЙ ДЖАДСОН	175
ГЛАВА 10. «ЕГО» И «ЕЕ» УЧАСТИЕ: ГРЕГ И КЭРОЛ ЭЛСТОН	192

ГЛАВА 11. НЕТ ВРЕМЕНИ НА ТО, ЧТОБЫ БЫТЬ ВМЕСТЕ: БАРБАРА И ДЖОН ЛИВИНГСТОН	212
ГЛАВА 12. КОНФЛИКТ ИЗ-ЗА РАЗДЕЛЕНИЯ ДОМАШНЕГО ТРУДА И ДВИЖЕНИЕ ПО ТЕЧЕНИЮ: ОТКУДА БЕРЕТСЯ НОВЫЙ МУЖЧИНА	227
ГЛАВА 13. ЧТО СТОИТ ЗА ПРИКРЫТИЕМ: СТРАТЕГИИ И КОНФЛИКТЫ.	244
ГЛАВА 14. КОНФЛИКТЫ В БРАКЕ В ЭПОХУ РАЗВОДОВ.	261
ГЛАВА 15. МУЖЧИНЫ, КОТОРЫЕ ПОМОГАЮТ, И МУЖЧИНЫ, КОТОРЫЕ НЕ ПОМОГАЮТ	275
ГЛАВА 16. РАБОТАЮЩАЯ ЖЕНА КАК УРБАНИЗИРОВАННАЯ КРЕСТЬЯНКА	302
ГЛАВА 17. ПОВТОРЯТЬ БИОГРАФИЧЕСКИЕ ТРАЕКТОРИИ ПРОШЛОГО — ИЛИ ТВОРИТЬ ИСТОРИЮ?	321
ПОСЛЕСЛОВИЕ	337
ПРИЛОЖЕНИЕ. ИССЛЕДОВАНИЯ НА ТЕМУ РАЗДЕЛЕНИЯ ДОМАШНЕГО ТРУДА И ЗАБОТЫ О ДЕТЯХ.	348
Избранная библиография.	359

Адаму

Предисловие

Когда мне исполнился 31 год, в моей жизни наступил момент, ярко высветивший проблему, которая стала стимулом к написанию этой книги. Я работала старшим преподавателем социологического факультета Калифорнийского университета в Беркли, и у меня был трехмесячный ребенок. Мне хотелось воспитывать малыша и продолжать преподавать. Были возможны разные варианты, но я выбрала доиндустриальный — интеграцию семьи в рабочее место: когда у меня были приемные часы в Бэрроуз-Холл¹, я брала сына с собой на работу. В возрасте от двух до восьми месяцев Дэвид был практически идеальным гостем. Я устроила для него небольшой бокс с одеялами, где он спал (большую часть времени), и принесла детский стул, с которого он внимательно следил за брелочками, разноцветными тетрадами, серьгами и очками. Иногда ожидавшие своей очереди студенты забирали его в приемную и нянчили, передавая друг другу. Беседы о Дэвиде помогали разговорить робких студентов, и некоторые возвращались навестить уже его, а не меня. Раз в четыре часа я записывала в список встреч вымышленное имя и кормила Дэвида в одиночестве.

¹ Одно из зданий университета. Там, в частности, размещается факультет гендерных и женских исследований. — *Примеч. ред.*

Для людей, входивших в мой кабинет, присутствие ребенка служило своеобразным тестом Роршаха. Посетителям постарше, студенткам и некоторым молодым людям, похоже, нравился малыш и сама идея его присутствия. В соседнем кабинете сидел почетный профессор 84 лет. У нас было в шутку заведено, что, услышав плач, он заглядывал ко мне и говорил, качая головой: «Опять бьем ребенка?». Продавцы учебников с дипломатами и в костюмах в полоску были обычно шокированы непривычным в атмосфере офиса детским гуканьем (а порой и запахами), раздававшимся из коробки. Многие аспирантки чувствовали беспокойство, отчасти из-за того, что в начале 1970-х годов дети вышли из моды, а еще потому что боялись моей возможной депрофессионализации — а вместе со мной, символически, их самих и всех женщин в целом. Меня это тоже страшило. До рождения Дэвида я непрерывно принимала студентов, бралась за все задания комитетов, по ночам и по вечерам писала статьи и благодаря этому накопила некоторый кредит доверия. Теперь я тратила этот кредит — на детский бокс, гуканье, умаление достоинства и целеустремленности моего факультета. Казалось, мои коллеги никогда не говорят друг с другом о детях. Они разговаривали о своих исследованиях и факультетском рейтинге — все еще «номер 1» или уже «номер 2»? Я готовилась получить постоянное место в штате, что было непросто. Одновременно я хотела стать своему сыну такой же спокойной матерью, какой моя мать была для меня. Я в буквальном смысле соединила семью и работу, но на более базовом уровне это только больше обнажило противоречия между запросами ребенка и требованиями карьеры.

Однажды мой аспирант пришел на встречу раньше назначенного времени. Ребенок проспал дольше обычного и не захотел есть в отведенное мной для этого время в Бэрроуз-Холл. Я пригласила аспиранта в кабинет. Поскольку раньше мы никогда не встречались, он представился с большими церемониями и продемонстрировал свое знакомство

с моими работами и интеллектуальными вкусами. Возможно, в ответ на его почтительность я повела себя формальнее, чем обычно. Он осторожно начал рассказывать о том, что его интересует в социологии, и затронул вопрос о моем участии в комиссии на устном экзамене в аспирантуру. Его задачей было объяснить мне, что он хороший студент, заслуживающий доверия и не строптивый, но, по его мнению, академическое поле организовано не так, как ему хотелось бы, и он спросил у меня разрешения изучать собрание сочинений Карла Маркса в рамках социологии труда.

Пока мы беседовали, ребенок начал плакать. Я сунула малышу соску и продолжила слушать аспиранта с удвоенным вниманием.

Аспирант продолжал говорить. Ребенок выплюнул соску и завопил. Стараясь казаться непринужденной, я начала его кормить. В этот момент он выдал самый громкий, самый отчаянный вопль, какой я когда-либо слышала от этого маленького человечка.

Аспирант поменял позу и, переживая этот небольшой кризис, изобразил на лице вежливую улыбку и начал слегка покашливать. Я извинилась и принялась ходить туда-сюда, укачивая ребенка. Помню, как я сказала: «Ни разу не брала его сюда на целый день. Это эксперимент».

«У меня своих двое, — ответил он, — только они живут в Швеции. Мы развелись, и я очень по ним скучаю». Мы обменялись сочувствующими взглядами, еще поговорили о наших семьях, и вскоре ребенок угомонился.

Месяц спустя, когда аспирант записался ко мне второй раз, он вошел в кабинет и церемонно сел. «Как мы говорили в прошлый раз, профессор Хокшилд...». Об эпизоде, оказавшемся для меня довольно травматичным, речи больше не шло. Как ни странно, я все еще была профессор Хокшилд. А он все еще был Джоном. Несмотря ни на что, отношения власти сохранялись.

Оглядываясь назад, я понимаю, что чувствовала себя тогда немного как персонаж из «Доктора Айболита и пиратов» — лошадь с двумя головами, которые видят и говорят разные вещи. «Толкай» чувствовал облегчение от того, что материнство не умалило мое профессиональное достоинство. Но «Тяни» удивлялся, почему в офисах малыши не были частью «нормальной» жизни. В конце концов, где дети моих коллег-мужчин?

Какая-то часть меня завидовала тому, что ученые, не приводившие своих детей в Бэрроуз-Холл, не стояли перед трудным выбором, но знали, что малыши — в любящих руках. Иногда я ощущала это очень остро, когда встречала одного из коллег, занимающегося бегом на тренажере (популярного вида спорта среди ученых — такие упражнения не требуют много времени), а затем его жену, ведущую ребенка в детский спортивный зал. Я также чувствовала это, видя, как по вечерам жены подъезжают к зданию на своих универсалах с двумя детьми на заднем сидении и, опершись локтем на окно, сидят и ждут мужчину, энергично спускающегося по ступенькам с портфелем в руке. Казалось, это особенно приятный момент их дня. Это напоминало мне о тех особых летних пятничных вечерах, когда моя мать запиховала меня и моего старшего брата в наш старый «Хадсон», загружала туда корзину для пикника и везла нас из Бетесды (Мэриленд) в Вашингтон, чтобы в пять часов встретить отца, энергично спускавшегося с портфелем в руке по ступенькам правительственного здания, в котором он работал. Мы устраивали пикник возле Приливного бассейна, окружавшего Мемориал Джефферсона. Мои родители рассказывали друг другу о том, как прошел их день, и с этим ощущением чудесного конца недели мы возвращались домой. Когда я вижу подобные сценки, внутри меня что-то разрывается пополам. Потому что я одновременно и владелец портфеля, энергично спускающийся по ступенькам, и мать с приготовленным для пикника ужином — и в то же время ни один из этих персона-

жей. Университет по-прежнему рассчитан на таких мужчин, а их дома — на таких женщин. И женщина в универсале, и я со своим боксом для ребенка пытаемся «решить» проблему работы и семьи. В нынешней ситуации в обоих случаях расплачивается женщина. Домохозяйка расплачивается тем, что остается вне общественной жизни. Женщина, делающая карьеру, — тем, что встраивается в часовой механизм, не оставляющий ни времени, ни эмоциональной энергии, чтобы заниматься семьей. Ее карьера позволяет так мало делать для семьи, потому что изначально была рассчитана на традиционного мужчину, чьих детей растила жена. При таких отношениях между карьерой и семьей последняя была службой соцобеспечения для университета, а женщины — ее социальными работниками. Сегодня женщины трудятся в таких институтах, не имея социальных работников. Как неоднократно отмечали делающие карьеру женщины, которых я опрашивала для своего исследования, «на самом деле это мне нужна жена». Однако, возможно, им нужны не «жены», а карьеры, перестроенные с учетом нужд работников, занимающихся семьей. Подобная перестройка практически стала бы революцией — сначала в семье, а затем и на рабочих местах — в университетах, корпорациях, банках и на промышленных предприятиях.

Все больше женщин выходят на рынок труда, но лишь немногие из них сумели достичь на нем больших высот. И это происходит не потому, что женщины сами себя тормозят из-за некоей «самодискриминации», и не потому, что нам не хватает «ролевых моделей», и не по причине дискриминации женщин со стороны корпораций и других институтов. Скорее, карьерная система сама тормозит женщин, причем не в силу их злостного неподчинения хорошим правилам, а установлением правил, подходящих в первую очередь мужской части населения. Одна из причин, по которой половина юристов, врачей и бизнесменов не принадлежит к женскому

полу, заключается в том, что *мужчины не занимаются наравне с женщинами воспитанием детей и заботой о доме*. Мужчины думают и чувствуют, ориентируясь на трудовые институты, устроенные так, что семья не является их делом. Мужчины могут часами сидеть на работе или отдыхать за счет того, что лишний раз не расскажут детям сказку, не побросают с ними мяч, не обнимут перед сном.

Женщины, работающие первую смену в офисе, а вторую — дома, не могут конкурировать с мужчинами на их условиях. Они обнаруживают, что в период между 27 и 35 годами — а это лучшее время для рождения и воспитания детей — к ним также предъявляются наиболее высокие карьерные требования. Понимая, что игра рассчитана на бес семейных, некоторые женщины впадают в уныние.

Таким образом, рассмотрение организации труда — это только часть проблемы. Важно также понять, что происходит в семье. Если больше не будет матери с корзинкой для пикника, кто займет ее место? Сможет ли новая работающая женщина втиснуть в свою жизнь и ребенка, и работу? Станет ли второе важнее первого, или же в повседневной жизни (а то и в кабинетах) их коллег-мужчин тоже появятся дети? Какие чувства мужчины и женщины позволят себе испытывать? В какой мере они смогут следовать своим творческим амбициям? Насколько сочувствующими детям они будут, насколько зависимыми от супруга или супруги?

Через пять лет после рождения Дэвида у нас родился второй ребенок, Гэбриэл. Мой муж Адам не брал детей к себе в офис, но в общем и целом мы делили заботу о них поровну, и он ухаживал за ними как самая настоящая мать. В кругу наших близких друзей отцы поступают так же. Но у нас крайне нетипичные обстоятельства — работы для среднего класса, гибкий рабочий график, поддержка профессионального сообщества. Эти особые обстоятельства делают таких женщин, как я и мои подруги, «везучими». Некоторые мои коллеги-женщины спрашивали, глядя на меня с хитрым при-

щуром: «Держу пари, ты *сильно постаралась*, чтобы этого добиться». Но я не старалась. Мне «повезло».

Дэвид, когда-то возившийся в моем беби-боксе, и сам стал занятым работающим отцом. Получают ли работающие матери больше помощи от своих партнеров сегодня, чем тогда, когда Дэвид был ребенком? Решена ли проблема?

Если послушать моих студентов, то ответ будет скорее отрицательным. Студентки, с которыми я говорила, не слишком надеются найти мужчину, готового делить с ними работу по дому; женщины, кому повезло в этом плане, все еще считают себя «нетипичными», а те, кому партнеры помогают очень мало, воспринимают такую ситуацию как «нормальную».

Я снова стала задумываться о вопросе «везения», когда однажды возвращалась на машине домой после интервью. Моя собеседница, работница банка и мать двоих маленьких детей, которая почти все делала по дому одна, в конце интервью, как и многие другие информантки, заговорила о том, какой везучей она себя чувствует. Она просыпалась в пять утра, успевала переделать домашние дела, прежде чем отправиться в офис, а потом, вернувшись, просила мужа помочь ей хотя бы немного. Мне она не показалась везучей. Чувствовала ли она себя таковой, потому что ее муж делал по дому больше, чем «принято» у мужчин, которых она знала? Как я постепенно выяснила, мужчины почти никогда не говорили о том, что им «повезло», раз их жены работали или «много делали» по дому, или «делили» с ними бытовые тяготы. Они вообще не упоминали о везении. А мы с той работницей банка, казалось, были частью огромной невидимой армии женщин, из которых одна чувствовала себя немного «более везучей», чем другая, потому что ее муж чуть больше делал по дому. Но если женщины, которые поровну делят с мужем домашние обязанности, чувствуют себя «везучими», потому что это такая редкая, ценная и необычная ситуация; если все мы, кто получает хотя бы крохи

помощи, думаем о себе в терминах «везения», не значит ли это, что, возможно, есть какая-то фундаментальная ошибка как во взглядах мужчин на домашнюю работу, так и в самой организации труда, порождающей и поддерживающей подобные взгляды? Если совместный домашний труд, как я покажу ниже, самым тесным образом связан с гармонией в браке, должно ли нечто столь важное зависеть от везения? Не лучше ли было бы, чтобы обычные мужчины и женщины трудились в «удачных» условиях и верили бы в те представления о гендерных ролях, которые сделали бы такую «удачу» возможной?

Почти все мои студентки хотят работать полный рабочий день и растить детей. Как этого можно достичь? Иногда я спрашиваю у них: «Вы когда-нибудь говорили с вашим бойфрендом о том, чтобы делить заботу о доме и детях?». Чаще всего они отвечают неопределенно. Я не верю, что эти живые, любознательные девушки в возрасте от 18 до 22 лет никогда не задумывались об этой проблеме. Полагаю, они боятся возможных трудностей и, считая данную проблему «частной», чувствуют себя одинокими. Им кажется, что в 22 года у них еще есть время. Но пролетят десять лет, и многие будут вести такую же жизнь, как замученная бременем обязанностей банковская служащая. Я изучала внутренний уклад семей с обоими работающими супругами, уповая на то, что, если сейчас внимательно к ним присмотреться, это поможет молодым женщинам найти в будущем те решения, которые выйдут за пределы «везения» и беби-бокса на рабочем месте.

Благодарности

В работе над этой книгой мне помогли очень многие люди и учреждения. Прежде всего я благодарю Национальный институт психического здоровья за щедрое финансирование этого исследования и Элиота Либова из Центра изучения городских проблем — за административную поддержку. Я признательна Трою Дастеру, руководителю Института изучения социальных изменений и моему старому другу за возможность поработать в его кабинете, воспользоваться картотекой и другую поддержку. Хочу тепло поблагодарить команду, помогавшую мне в проведении этого исследования: Аманду Хэмилтон — за помощь с пилотными интервью и Элейн Каплан — за интервьюирование и кодирование, Линет Юттол — за участие в процессе кодирования и статистического анализа, Бэзила Брауни — за то, что помог раздать более 400 анкет работникам крупной компании из Сан-Франциско, Брайена Филлипса — за то, что он отлично умеет печатать и поддерживал меня, когда черновики казались бесконечными («Еще один? Но мне понравился последний»), Вирджинию Малкольм, Джоанну Вуд и Пэт Фрост — за интерес к проекту, а также за аккуратную расшифровку интервью, а Пэт Фрост — еще и за дополнительные страницы вдумчивых комментариев. Хочу поблагодарить за помощь в библиотечных изысканиях Уэса Форда и Грейс Бенвинист. За исторические справки — Сюзан Трисл.

Огромная благодарность моему ассистенту и соавтору Энн Мачун¹. Энн провела почти половину интервью, приняла все меры, чтобы сохранить их конфиденциальность, взяла на себя львиную долю довольно сложной кодировки и ввела часть данных в компьютер. Она управляла проектом и принимала нескончаемый поток приезжих ученых, любопытных студентов и волонтеров, стучавшихся в дверь нашего офиса в Институте изучения социальных изменений. У меня сохранились самые теплые воспоминания о послеполуденных дискуссиях по четвергам в обществе Энн Мачун, Элейн Каплан, Линетт Юттол, Уэса Фроста и Дзюнко Куниноби, приглашенной исследовательницы из Японии. Хотя я сама проводила все «полевые» наблюдения и писала, в первоначальное исследование все вложили свой труд. Только когда проект подошел к завершению и я села писать книгу и обдумывать все в одиночестве, наше товарищеское «мы» начало превращаться в «я», от лица которого написана книга.

За полезное прочтение ранних, совсем сырых вариантов я благодарна моим любящим родителям, Рут и Фрэнсису Расселл. Выражаю признательность за дельные советы Тодду Гитлину, Майку Рогину, Лилиан Рубин и Энн Свидлер. Благодарю Орвилла Шелла и Тома Энгельгардта за то, что спасали меня, когда я остро в этом нуждалась. Благодарю Джин Тэнке, чья поддержка и помощь на раннем этапе многое для меня значили. Хочу сказать спасибо Нэн Грэхэм (издательство *Viking Penguin*): трудно выразить словами, как важна была ее вера в меня, советы редактора и душевная красота. Благодарю также Бину Камлани, которая изящно и профессионально провела эту книгу через издательские процессы.

Хотела бы поблагодарить аспирантов, посетивших мой семинар по «Социологии гендера» весной 1986 года, на ко-

¹ Энн Мачун — директор по образовательной отчетности Калифорнийского университета. Получила степень доктора политических наук в Висконсинском университете в Мадисоне. Автор публикаций о высшем образовании и семейных отношениях в журналах *Change* и *Feminist Studies*.

торых я впервые проверила идею, что индустриализация по-разному отражается на «нем» и на «ней».

Я также хочу поблагодарить пары, участвовавшие в исследовании. При всей своей занятости они радушно впустили меня в свои дома и жизни, веря, что это исследование поможет парам, оказавшимся в подобных ситуациях, лучше разобраться в себе. Я предприняла ряд мер, чтобы не раскрывать их идентичность. Возможно, некоторые люди представляли себя иначе, чем их увидела я, но надеюсь, что здесь они найдут зеркало, точно отражающее важные аспекты их опыта первопроходцев в области нового семейного устройства.

Благодарю Айи Квеи Арма, которая верила в меня и терпеливо, с любовью приводила все в порядок. Также благодарю Элин О'Нил за ее нежную заботу о Гэбриэле и Дэвиде.

Благодарю моего мужа, Адама, которому принадлежала идея написания этой книги. Однажды десять лет назад мы гуляли в горах и почти половину времени, пока мы поднимались, я говорила о «двойной нагрузке» женщины. Когда мы спускались обратно, Адам спросил: «Почему бы тебе не написать об этом?». Я глубоко признательна ему за эту идею, за то, как добродушно он меня подбадривал, и за любовь, которую я чувствую на протяжении всей нашей совместной жизни.

Благодарю моего сына Дэвида, отложившего домашние задания, а также свою увлеченность политикой и экологией, чтобы включиться во вторую смену и радовать меня очень смешными пародиями на американских политических деятелей. Благодарю Гэбриэла, который в промежутках между выгуливанием соседских собак и сочинением стихов нашел время, чтобы заваривать мне травяной чай доктора Чана. Пытаясь поддержать меня, он даже придумал истории Теда и Мэри, Робин и Питера, Дика и Розмари, Салли и Билла и Аси и Фрэнка, намного более захватывающие и полные перипетий, чем что-либо из описанного в книге. Кроме того, однажды он подложил под чашку с чаем у меня на столе записку с маленьким белым бантиком. Там говорилось: «Поздравляю с окончанием книги, мама». Чего еще желать матери?

Введение

В обществе, которому свойственен индивидуализм, домашние проблемы обычно рассматриваются в психологическом ключе — например, люди не сошлись характерами («Он такой эгоист», «Она такая мнительная»). Но когда миллионы супружеских пар ведут похожие разговоры о том, кто что должен делать по дому, возможно, следует понять, какие внешние относительно семейной жизни факторы влияют на то, что происходит в браке. Если мы этого не поймем, мы можем продолжать приспосабливаться к конфликтам, вызванным забуксовавшей революцией, считать их «нормой» и удивляться тому, почему в наши дни так трудно заставить брак работать.

После того как «Вторая смена» была опубликована, у меня было много откровенных разговоров с читателями, а в 1990-е годы я провела дополнительные интервью с работающими семейными парами, сотрудниками одной из компаний из списка *Fortune 500* для своей следующей книги, «Путы времени». На основании этих бесед я пришла к выводу, что для многих пар главная дилемма так и осталась нерешенной.

Среди множества отзывов на книгу в *Dallas Morning News* мне попалось стихотворение одной читательницы,

Шон Дикинсон Финли, в котором она описала одно из открытий этой книги:

Наступили выходные. Я хочу отдохнуть.
Но он устал от работы, ему нужно расслабиться.
Ты же обо всем позаботишься, дорогая?
Пока он смотрит ящик и пьет пиво.
Ну, вот, наконец я все закончила — дела сделаны.
Так что спокойной ночи. Мне пора
Уткнуться в подушку и видеть сон
О 18 процентах тех, кто помогает с уборкой.

В Нью-Йорке одна пара с хорошим воображением придумала брачный обет, позволяющий избежать дилеммы Финли. «Я клянусь готовить обед для Доры», — заявил жених перед изумленной и обрадованной толпой друзей и родственников. А невеста, подмигнув, ответила: «А я обещаю есть то, что приготовит Оран».

Другие пары гораздо серьезнее увязли в мучительной борьбе уже не за время отдыха, а за время работы. Один отец-латиноамериканец с двухлетним ребенком объяснил: «Мы с женой оба работаем на низкооплачиваемых работах, которые мы, тем не менее, любим и в которые верим. [Он трудился в организации по защите прав человека, а она — в группе экологов.] И не можем позволить себе нанять домработницу. Мы любим Хулио, но ему два года, и с ним нелегко. Мне нравится с ним возиться [здесь он говорил мягко и медленно]. Но это очень трудно, потому что у нас с женой нет времени на брак. И из-за этого я задумываюсь о таком, о чем и подумать нельзя [здесь его голос дрогнул]: а надо ли нам было заводить Хулио?».

Кроме того, я была немного смущена тем, что моя книга часто используется как оружие в семейных конфликтах. Одна работающая мать прикрепила ксерокопию главы о Нэнси и Эване Холт на дверь холодильника. Когда муж ее проигнорировал, она положила страницы на его подушку.

Как она рассказывала: «Он наконец прочитал о том, как Нэнси Холт в одиночку делала всю работу по дому и занималась ребенком. Ее недовольство выразилось в том, что она изгнала мужа из уютного гнездышка, которое устроила для себя и малыша. До него тоже дошла эта параллель, как некогда она дошла до меня».

Я с грустью узнала, как именно некоторые женщины решают свои семейные конфликты: «В доме бардак. Просто помойка. Вот мое решение», — заявила одна супруга, расправив плечи и подбоченившись. Другая в ответ на отказ мужа помогать по хозяйству гордо стала готовить еду только для себя. Еще одна рассказала, что, сжав зубы, включила требования о второй смене в брачный договор. Если женщины настолько возмущены и воинственно настроены, у меня возникает вопрос, не стали ли ненароком эти «решения» проблемой сами по себе. На самом деле нам нужно решить исходную проблему. Но где в устройстве рынка труда, в нашей иерархии ценностей, в политике правительства находится та плодотворная стадия, на которой нужно это делать? Именно этот оставшийся без ответа вопрос стоит за данной книгой.

Глава 1

Семейное ускорение

В журнальных рекламных объявлениях перед нами предстают разные женщины, но одна и та же идея. Это работающая мать, которая гордо шествует, держа портфель в одной руке и улыбающегося ребенка в другой. Она движется вперед в прямом и в переносном смысле. Если у нее длинные волосы, они откинута назад, если короткие — развеваются по бокам, символизируя мобильность и прогресс. В ней нет ни грамма робости или пассивности. Она уверена в себе, активна, «эмансипирована». На ней темный деловой костюм, но с шелковым бантом или ярким рюшем на блузе, который говорит: «За этим покровом она — настоящая женщина». Она добилась успеха в мужском мире, сохранив женственность. И добилась его без посторонней помощи. Картинка как будто хочет сказать, что героине рекламы чудом удалось совместить то, что разъединили 150 лет индустриализации, — ребенка и работу, рюш и деловой костюм, культуру женскую и мужскую.

Когда я показывала фотографию супермамы работающим матерям, с которыми беседовала, собирая материал для этой книги, многие смеялись мне в лицо. Одна мать двоих детей (трех и пяти лет), работающая в детском саду, просто расхохоталась: «Ха! Да они *прикалываются!* Посмотри на меня: на голове бардак, ногти сломаны, лишних десять ки-

логаммов веса. По утрам я собираю детей, кормлю собаку, готовлю ланч, покупаю продукты. У этой дамочки есть прислуга». Но даже работающие матери, у которых были домработницы, не могли себе представить, что можно вот так без хлопот соединять работу и семью: «Вы знаете, *во что* ребенок превращает вашу жизнь со всеми этими кормлениями в два, в четыре часа ночи?». Другая мать, у которой был двухлетний ребенок, сказала: «Они этого не показывают, но она насвистывает, — она изобразила свистящую женщину, поднявшую глаза к небу, — чтобы не слышать галдеж». Им нравилась напускная беззаботность женщины с развевающимися волосами, но она не была похожа ни на кого из их знакомых.

Женщины, которых я интервьюировала, — юристы, менеджеры корпораций, редакторы, закройщицы, воспитательницы в детских садах, — как и большинство их мужей, по-разному решают эти вопросы: имеет ли мать маленьких детей право работать полный рабочий день или в каком объеме муж должен заниматься домом. Но все они соглашались, что трудно вдвоем работать полный день и растить детей.

Насколько хорошо супружеские пары справляются с выпавшими на их долю трудностями? Чем больше женщин работает вне дома, тем более актуальным становится этот вопрос. Численность женщин на оплачиваемой работе неуклонно росла с начала XX века, однако с 1950 года рост замедлился. В 1950 году 30% американских женщин вошли в трудовые ресурсы страны, к 2011 году их число увеличилось до 59%. Более двух третей матерей, замужних или одиночек, сегодня работают; по сути дела, сейчас зарплату получает больше матерей, чем бездетных. Сегодня женщины составляют половину трудовых ресурсов, а семьи с обоими работающими супругами — две трети всех домохозяйств с детьми.

Однако самый большой рост на сегодня наблюдается среди матерей с маленькими детьми. В 1975 году только 39% женщин с детьми до шести лет были в числе граждан-

ской рабочей силы — работали за плату или искали оплачиваемую работу. К 2009 году их число возросло до 64%. В 1975 году работали 34% матерей с детьми в возрасте до трех лет, в 2009 году их число выросло до 61%. То же самое с матерями с детьми в возрасте до года: 31% в 1975 году и 50% в 2009-м. Поскольку все больше матерей с маленькими детьми работают, можно было бы ожидать, что большее их число будет работать неполный день. Однако выяснилось обратное: в 1975 году 72% женщин работали полный день и немногим больше в 2009 году. Из всех работающих матерей с детьми до года в 2009 году полный день работали 69%¹.

Если все больше матерей с маленькими детьми начинают работать полный день вне дома и если все больше пар не могут себе позволить нянь и домработниц, то насколько возрастает нагрузка на отцов? Когда я приступила к изучению этого вопроса, я нашла много исследований о том, сколько часов представители обоих полов тратят на домашние заботы и уход за детьми. Так, на примере одной случайной выборки 1243 работающих родителей из 44 американских городов (исследование, проведенное Александром Салаи и его коллегами в 1965–1966 годах) выяснилось, что женщины тратили на работу по дому в среднем 3 часа в день, тогда как мужчины — 17 минут. Женщины, отложив в сторону все дела, проводили со своими детьми 50 минут в день, мужчины — 12. С другой стороны, работающие отцы смот-

¹ Цифры по занятости матерей в сфере оплачиваемого труда за 1975 и 2009 годы см.: Women in the Labor Force: A Databook. Report 1026. December 2010. U.S. Department of Labor & U.S. Bureau of Labor Statistics. Tables 5, 7. Washington, DC: U.S. Department of Labor, 2010. <<http://www.bls.gov/cps/wlf-databook-2010.pdf>>. Цифры по числу матерей с детьми до года см.: Employment Characteristics of Families — 2009. U.S. Bureau of Labor Statistics, May 2010. Table 6. Washington, DC: U.S. Department of Labor, 2010. <<http://bls.gov/news.release/famee.t06.htm>>. Цифры по занятости с неполным рабочим днем в 1975 и 2009 годах и по занятости с неполным рабочим днем матерей с маленькими детьми см.: Women in the Labor Force... (цит. выше). Table 20, Table 6.

рели телевизор на час дольше, чем их жены, и каждый день спали на полчаса дольше них. Сравнение этой американской выборки с аналогичными материалами по 11 промышленно развитым странам Восточной и Западной Европы указало на ту же самую разницу между работающими женщинами и мужчинами². В 1983 году в своем исследовании белых семей среднего класса в бостонской агломерации Грейс Бэрх и Р.С. Барнетт выяснили, что трудозанятые мужчины, жены которых работали, проводили всего на 45 минут в неделю больше времени со своими детьми детсадовского возраста, чем мужчины с женами-домохозяйками³.

Поворотное исследование Салаи дало документальное подтверждение уже знакомой, но все еще пугающей истории о «двойной нагрузке» работающей женщины. Однако и тогда у меня остался вопрос, как мужчины и женщины относятся ко всему этому. Салаи с коллегами изучили, как люди

² Szalai A. (ed.). *The Use of Time: Daily Activities of Urban and Suburban Populations in Twelve Countries*. Paris: The Hague Mouton, 1972. P. 668. Table B. Другое исследование показало, что мужчины проводят больше времени за едой, чем женщины (*Coverman Sh. Gender, Domestic Labor Time and Wage Inequality // American Sociological Review*. 1983. Vol. 48. P. 626). Что касается сна, то у мужчин и женщин паттерны различаются. Чем выше мужчина по социальному классу, тем больше он спит. Чем выше социальный класс женщины, тем меньше она спит. (Мужчины-начальники в среднем спят 7,6 часа в день. Мужчины-подчиненные, квалифицированные и не квалифицированные, в среднем спят 7,3 часа. Женщины-начальники в среднем спят 7,1 часа, женщины-подчиненные — 7,4. Квалифицированные рабочие — 7,0, неквалифицированные — 8,1 часа). Получается, что работающие женщины справляются с требованиями, которые им предъявляет сложная карьера, экономя на сне, а работающие мужья высыпаются.

Более подробно о том, сколько времени занятые мужчины и женщины уделяют домашним делам и уходу за детьми, см. в приложении.

³ *Baruch G.K., Barnett R. Correlates of Fathers' Participation in Family Work: A Technical Report. Working Paper No. 106. Wellesley, MA: Wellesley College, Center for Research on Women, 1983. P. 80–81. См. также: Walker K.E., Woods M.E. Time Use: A Measure of Household Production of Goods and Services. Washington, DC: American Home Economics Association, 1976.*

использовали время, но, например, не то, как отец относится к тому, что проводит с ребенком 12 минут в день, и как к этому относится его жена. Исследование Салаи показало внешнюю сторону эмоционально значимых проблем. Какой вклад должны вносить в семью мужчина и женщина? Чувствует ли каждый супруг, что его ценят? Кто как реагирует на небольшие сдвиги в расстановке сил в семье? Какие вырабатываются бессознательные «гендерные стратегии», чтобы справляться с домашней работой, браком и, конечно, с жизнью вообще? Эти проблемы и легли в основу моей книги.

Но начала я с вопроса, поддающегося измерению, — бюджета времени. Сложив время, которое тратится на оплачиваемый труд, работу по дому и уход за детьми, на основе масштабных исследований использования времени, проводившихся в 1960-е и 1970-е годы, я вывела средние значения и выяснила, что женщины в среднем работают приблизительно на 15 часов в неделю больше, чем мужчины. За год получается, что они отработывают *лишний месяц круглосуточной работы*. За 12 лет набегает уже лишний год! Если женщина бездетна, то она больше, чем мужчина, тратит времени на работу по дому. Если у нее есть дети, то — больше времени и на них, и на дом. Так же как между мужчинами и женщинами есть разрыв в размере заработной платы на рабочем месте, дома между ними существует «разрыв в досуге». Большинство женщин отработывает одну смену в офисе или на заводе и «вторую смену» дома.

Исследования показывают, что у работающих матерей выше самооценка и они реже, чем домохозяйки, страдают от депрессии, но в сравнении с мужьями они больше устают и чаще болеют. В 1985 году Пегги Тройтс проанализировала два больших опроса: в каждом из них участвовало по 1000 мужчин и женщин, которых просили ответить, как часто за прошедшую неделю они испытывали каждый из 23 симптомов тревожности (например, головокружение или галлюцинации). Тройтс выяснила, что работающие матери

больше, чем любая другая группа, были склонны страдать от тревожности.

В свете этих исследований образ женщины с развевающимися волосами кажется красивой обложкой, скрывающей мрачную реальность, как те картинки советских трактористов, с лучезарными улыбками на лице размышляющих о выполнении пятилетнего плана. Салаи проводил свое исследование в 1965–1966 годах. Я хотела выяснить, существует ли еще разрыв в досуге, который он тогда обнаружил, или он все-таки исчез. Поскольку в большинстве супружеских пар работают оба, а в будущем таких пар станет еще больше, и большинство женщин в этих парах трудятся лишний месяц ежегодно, я хотела понять, что означает этот «лишний месяц» для каждого человека и как он влияет на любовь и брак в эпоху большого количества разводов.

МОИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Вместе с моими ассистентами Энн Мачун и Элейн Каплан я подробно опросила 50 пар и провела наблюдения в десятке домов. Мы начали с опросов квалифицированных рабочих, студентов и «белых воротничков» в Беркли, штат Калифорния, в конце 1970-х. Это было в самый разгар движения за права женщин, и многие из этих пар всерьез и осознанно стремились модернизировать базовые правила своей семейной жизни. Благодаря гибкому графику работы и сильной поддержке общества многим это удалось. Их жизненные обстоятельства были необычными, и поэтому они стали нашей «группой для сравнения», когда мы стали искать другие, более типичные для Америки пары. Наши поиски увенчались успехом в 1980 году, когда мы разослали анкету о работе и семейной жизни каждому 13-му из списка персонала крупной компании-производителя. В конце анкеты мы спросили пары, воспитывающие детей младше шести лет и работающие полный рабочий день, готовы ли они подробнее пого-

ворить с нами о своей жизни. Эти пары, опрошенные в период 1980–1988 годов, их соседи и друзья, учителя их детей, работники детсадов и няни образуют ядро этой книги.

Когда мы звонили, некоторые из нянь отвечали, подобно одной женщине: «О, вы нас опрашиваете! Это хорошо. Мы тоже люди». Или как другая: «Рада, что вы считаете, что мы тоже трудимся. Многие так не считают». Выяснилось, что у многих работниц детских садов тоже были маленькие дети и работающие мужья, и мы поговорили об этом и с ними.

Мы также побеседовали с другими мужчинами и женщинами, не входившими в союзы с обоими работающими супругами: с разведенными родителями, которые были уставшими от войн ветеранами браков с обоими трудозанятыми партнерами, и с традиционными парами, чтобы понять, насколько обнаруженные нами проблемы характерны именно для работающих пар.

Я сосредоточила свое внимание на гетеросексуальных, состоящих в браке парах с детьми в возрасте до шести лет, их воспитательницах в детских садах и других людях из их мира (со всех ступенек социальной лестницы). Но вторая смена остается в центре внимания также и других типов пар — не состоящих в браке, геев и лесбиянок, бездетных пар и родителей детей постарше. В частности, как показывают исследования, геи и лесбиянки чаще гетеросексуальных пар разделяют друг с другом тяготы второй смены: родители-геи специализируются на определенных обязанностях, лесбиянки — выполняют похожие задачи⁴.

Я также наблюдала за повседневной жизнью десятка домохозяйств по вечерам в будние дни, на выходных и в последующие месяцы, когда меня приглашали поехать на природу, на ужин или просто поговорить. Я сидела на ступеньках и ждала, пока измотанные родители и их голодные

⁴ *Peplau L.A., Beals K.P. The Family Lives of Lesbians and Gay Men // Vangelisti A. (ed.). Handbook of Family Communication. Mahwah, NJ: Lawrence, 2004.*

дети вылезут из семейной машины. Я вместе с ними ходила за покупками, к друзьям, смотрела телевизор, ела с ними, гуляла в парке и заходила в гости, когда они отправляли детей в сад, часто оставалась в доме у няни после того, как родители с ней попрощались. В доме я сидела на полу в гостиной, рисовала с детьми картинки или играла. Я смотрела, как родители купают малышей, читают им книжки на ночь и желают спокойной ночи. Большинство пар старались включить меня в свой семейный круг, приглашая поесть с ними и поговорить. Когда они со мной заговаривали, я отвечала, время от времени задавала вопросы, но редко сама заводила разговор. Я старалась быть такой же незаметной, как их собака. Часто я устраивалась у них в гостиной, тихо делала заметки. Иногда я вместе с женой поднималась наверх или спускалась вниз, провожала ребенка, когда он шел «помочь папе» ремонтировать машину, или смотрела телевизор вместе с остальными. Порой я выходила из своей роли, чтобы вместе с ними посмеяться над их шутками о том, как должна вести себя «образцовая» работающая пара. Или, возможно, шутки были хитроумной частью моей роли, помогавшей отвлечь их и заставить держаться более естественно. На протяжении двух-пяти лет я звонила или навещала эти пары, чтобы поддерживать контакт, даже когда перешла к изучению жизни других работающих пар — черных, мексиканцев, белых — из всех классов и слоев общества.

Я спрашивала, кто что выполнял из разнообразных домашних обязанностей и в каком объеме. Кто готовит еду? Пылесосит? Заправляет постели? Шьет? Поливает цветы? Посылает открытки на Новый год и Хануку? Кто моет машину? Ремонтирует бытовые приборы? Заполняет налоговые декларации? Наводит порядок во дворе? Я выясняла, кто берет на себя бóльшую часть планирования по дому, кто замечает, например, что ребенку пора стричь ногти, кто больше озабочен тем, как выглядит дом, или переменами в настроении ребенка.

ЧТО ТАКОЕ ЛИШНИЙ МЕСЯЦ В ГОД

Женщины, которых я опрашивала, казалось, сильнее разрываются между работой и семьей, чем их мужья. Они дольше и с большим оживлением говорили о неутраченном конфликте между этими сферами. Как бы они ни были заняты, женщины чаще радовались идее дополнительного интервью. Они чувствовали, что вторая смена — это *их* проблема, и большинство мужей с ними соглашались. Когда я позвонила одному из них договориться об интервью, объяснив, что хочу расспросить его о том, как он справляется с работой и семьей, он добродушно ответил: «О, это будет *очень* интересно моей *жене*».

Именно женщина предложила мне метафору из заводской жизни — «вторая смена». Сама она никак не соглашалась с *идеей*, что домашние дела — это «рабочая смена». В семье для нее был смысл жизни, и она не хотела воспринимать ее как работу. Но как она выразилась: «На работе вы при исполнении. Приходите домой и тоже при исполнении. Затем снова идете на работу и снова при исполнении». После восьми часов на работе, где она приводила в порядок страховые иски, она приходила домой готовить рис на ужин, ухаживать за детьми и стирать. Хотя она была с этим не согласна, ее домашняя жизнь *ощущалась* как вторая смена. Такова была реальная история, и в этом и заключась проблема.

Мужчинам, делившим с женщинами работу по дому, казалось, так же не хватает времени, как и их женам, и они так же разрываются между требованиями карьеры и маленькими детьми, как показывают истории Майкла Шермана и Арта Уинфилда. Но большинство мужчин не участвовали в работе по дому. Одни отказывались категорически. Другие — неявно: оказывая эмоциональную поддержку и сочувствующе выслушивая, когда их работающие жены сталкивались со сложностями, которые оба супруга считали проблемой

жены. Поначалу мне казалось, что вторая смена затрагивала только один пол. Но постепенно я поняла, что на мужей, мало помогавших по дому, очень часто влияют негативные эмоции жен, и им приходится искать способы справиться с обидами. Эван Холт, о котором я пишу в гл. 4, продавец мебели, мало помогал по дому и играл со своим четырехлетним сыном Джоуи, когда ему было удобно. Поначалу казалось, что жонглирование работой и семьей — проблема жены. Но Эван сам страдал от побочных эффектов «ее» проблемы. Супруга, конечно, отработывала вторую смену, но очень злилась из-за этого и полуосознанно выразила свою фрустрацию и гнев, потеряв интерес к сексу и сосредоточив все внимание на Джоуи. Так или иначе, большинство мужчин, с которыми я беседовала, страдают от серьезных пертурбаций, вызванных тем, что я считаю переходной фазой в жизни американской семьи.

Одна из причин того, почему женщин больше волнуют проблемы сочетания работы и семьи, в том, что, даже когда мужчины добровольно делят с ними тяготы, они все равно чувствуют бóльшую *ответственность* за дом. Женщины чаще следят за графиком посещения врачей, организуют детские игры и поддерживают отношения с родственниками. Больше матерей, чем отцов, волновались из-за хвоста на костюме ребенка для Хэллоуина или о подарке на день рождения школьного друга. Находясь на работе, они чаще звонили няне, чтобы узнать, как идут дела.

Отчасти из-за этого больше женщин чувствуют, что разрываются между одним или другим срочным делом: потребностью успокоить ребенка, который боится оставаться в детском саду, и необходимостью показать начальнику на работе свою «серьезность». Больше женщин, чем мужчин, задавались вопросом о том, насколько они хорошие родители, или, если не задавались, то спрашивали себя, почему не задаются. Женщины чаще мужчин колеблются между осуществлением своих амбиций и дистанцированием от них.

Когда женщины стали в массовом порядке выходить на рынок труда, по семьям ударило «ускорение» трудовой и семейной жизни. С тех пор как жены сидели дома, часов в сутках не прибавилось, но делать сегодня приходится вдвое больше. Принимать на себя это «ускорение» приходится в основном женщинам. 20% мужчин в моем исследовании наравне с женщинами занимались работой по дому. 70% выполняли изрядное ее количество (меньше половины, но больше трети), а 10% выполняли меньше трети. Даже когда пары более справедливо распределяют работу по дому, женщины выполняют две трети *ежедневных* дел, таких как готовка и уборка, то есть дел, которые встраивают их в жесткую рутину. Большинство женщин готовит ужин, а большинство мужчин меняет масло в семейном автомобиле. Но, как заметила одна мать, ужин надо готовить каждый вечер около шести, тогда как менять масло — раз в полгода, в любой день, в любое удобное время. Женщины больше, чем мужчины, ухаживают за детьми, а мужчины больше чинят бытовую технику. Ребенком надо заниматься каждый день, а ремонт бытовой техники часто можно отложить до той поры, когда «у меня будет время». У мужчин больше контроля за тем, *когда* они вносят свой вклад в домашнее хозяйство. У них может быть много обязанностей по дому, но, подобно начальнику, который может сказать секретарше «подержи звонок на линии», у мужчин больше контроля за временем. Обычно, как и в случае с секретаршей, это обязанность работающей матери — «принимать звонки».

Еще одна причина, по которой нагрузка на женщин больше, чем на мужчин, в том, что они чаще делают две вещи одновременно — например, выписывают чеки и отвечают на звонок, пылесосят и присматривают за трехлетним ребенком, складывают постиранные вещи и обдумывают список покупок. Мужчины чаще готовят ужин *или* ведут ребенка в парк. Женщины же чаще жонглируют тремя сферами — работой, детьми и домашними заботами, тогда как мужчины

разбираются только с двумя — работой и детьми. Со временем, которое они проводят с детьми, у женщин конкурируют два, а не один вид деятельности.

Женщины не только больше делают работы по дому, но и уделяют этому больше времени, чем уходу за детьми. Мужья дома, напротив, в основном занимаются с детьми. Иными словами, работающие жены сравнительно больше времени проводят, «заботясь о доме», а их мужья — «заботясь о детях». Поскольку большинство родителей предпочитает проводить время с малышами, а не заниматься уборкой, мужчины чаще делают то, что им и так нравится. Мужчины чаще, чем женщины, водят детей «развлекаться» в парк, в зоопарк, в кино. Женщины больше времени занимаются собственно уходом за детьми, например, кормят и моют их, что само по себе, конечно, приятное занятие, но не такое веселое или запоминающееся, как поход в зоопарк. Мужчины также реже занимаются «грязной» работой: реже моют туалеты или драют ванную.

В результате женщины склонны чаще заводить разговор о том, как они вымотались, больны и «эмоционально истощены». Многих женщин я была не в состоянии оторвать от темы сна. Они рассуждали о том, сколько могут «протянуть на» шести с половиной, семи, семи с половиной часах сна... Говорили о том, сколько сна, больше или меньше, нужно их знакомым. Некоторые извинялись за то, что им нужно так много спать («Боюсь, мне нужно спать по восемь часов»), так, как будто восемь часов — это слишком много. Они говорили о том, какое воздействие на сон ребенка оказывает смена няни, рождение второго ребенка или командировка. О том, как можно не до конца просыпаться, когда ребенок зовет ночью, и как после этого снова заснуть. Эти женщины говорили о сне так, как голодный говорит о еде.

В любом случае, если в данный период американской истории семья с обоими работающими супругами страдает от ускорения рабочей и семейной жизни, работающие ма-

тери оказываются его первыми жертвами. Есть ирония в том, что именно женщинам часто выпадает роль «эксперта по времени и перемещениям» в семейной жизни. Проводя наблюдение в домах, я замечала, что часто именно мать подгоняет детей: «Быстрее! Пора идти», «Доедай свои мюсли!», «Потом сделаешь», «Пошли!». Когда на мытье отведено время с 7:45 до 8:00, часто именно мать бросает ключ: «А ну-ка, кто быстрее искупается?». Часто младший ребенок будет спешить, чтобы первым оказаться в кровати, а более старший и опытный — тормозить, сопротивляться, иногда обижаться: «Мама всегда нас подгоняет». К сожалению, на женщинах чаще вымещается семейная агрессия, вызванная ускорением семейной и рабочей жизни. Они выступают как «отрицательные персонажи» в процессе, который делает их своими первыми жертвами. Именно это, даже больше чем долгие часы работы, недосыпание и метания между семьей и работой, — самая печальная цена, которую приходится платить женщинам за лишний месяц работы в течение года.

СЕРИЯ «СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ»
основана в 2009 г. Валерием Анашвили

В серии вышли: <id.hse.ru/books/series/17870538>

Научное издание

Арли Хокшилд
при участии Энн Мачун
ВТОРАЯ СМЕНА
РАБОТАЮЩИЕ СЕМЬИ И РЕВОЛЮЦИЯ В ДОМЕ

Заведующая книжной редакцией ЕЛЕНА БЕРЕЖНОВА

Редактор ЕЛЕНА БОНДАЛ

Верстка: СВЕТЛАНА РОДИОНОВА

Корректор ЕЛЕНА АНДРЕЕВА

Дизайн обложек серии: ABCdesign

ПОЛИНА ЛАУФЕР

ТАТЬЯНА БОРИСОВА

Дизайн блока серии: СЕРГЕЙ ЗИНОВЬЕВ

На обложке — картина Николая Купреянова

«Гладильщица (Наталья Сергеевна Изнар)», 1921 г.

<https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Купреянов_Гладильщица.jpg>

Подписано в печать 01.06.2020. Формат 60×90/16

Усл. печ. л. 23,0. Уч.-изд. л. 16,5. Печать струйная ролевая

Тираж 1000 экз. Изд. № 2308. Заказ №

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

101000, Москва, ул. Мясницкая, 20,

тел.: 8 (495) 772-95-90 доб. 15285

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»

филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская обл., г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

www.chpd.ru, e-mail: sales@chpd.ru, тел.: 8 (499) 270-73-59